

За
ТРИДЕВЯТЪ
ЗЕМЕЛЪ

СКАЗКА

—
ДАРА СКАЗОВА

6+

Дара Сказова
За тридевять земель

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сказова Д.

За тридевять земель / Д. Сказова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96395-5

Кашей Бессмертный и Царевна-Лягушка, Иван-царевич и Баба Яга - известные герои в новых обстоятельствах. Зачем Кашей Бессмертный обратил Царевну в Лягушку? Какую тайну хранит Иван-царевич, и кем приходится баба Яга Лягушке? Старая сказка на новый лад.

ISBN 978-5-532-96395-5

© Сказова Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Дара Сказова

За тридевять земель

Жила-была царевна. Жила на болоте, а была в меру прекрасной. На любителя, так скажем. Потому что ни одна порядочная царевна не будет жить на болоте. Удел коронованных особ – это замки, терема и дворцы, так уж повелось, и не нам менять этот порядок. Поэтому в главные героини мы выбрали не стандартную представительницу голубых кровей, чья судьба вполне себе предопределена многочисленными феями-крестными (как добрыми, так и злыми – тут уж кому как повезло), а совершенно непонятную без дополнительных пояснений царевну. Ведь нетипичная героиня всяко интереснее автору. Который переходит наконец к упомянутым выше дополнительным пояснениям.

Итак, жила царевна на болоте. Да, согласимся, место выбрано оригинальное. И полагаем, что сообразительный читатель (а иных мы не приветствуем) уже вскричал с уверенностью: “Заколдована!” Выдержав многозначительную паузу, мы согласимся. Да, царская дочь была заколдована. Еще будучи младенцем, она оказалась жертвой а) амбициозных планов родителей с одной стороны и б) тщеславных брачных планов с другой.

Согласно историческим хроникам, в день рождения царевны к радостно упивающемуся вдрызг лучшими винами из дворцового погреба царю-отныне-батюшке явился некий странного вида царевич. То, что это царевич, было фактом: на голове его висела корона. Немного помятая, зато с прекрасно сохранившимися драгоценными камнями. И эта корона представлялась самой приятной деталью облика гостя: кожа да кости смутно голубовато-зеленоватого оттенка, злые мелкие глазки, жиденькая, хотя и длинная, борода с полным отсутствием волос на голове... Царь-отец мгновенно протрезвел от паники: не каждый день увидишь перед собой самого Кашея! По слухам (неподтвержденным) – Бессмертного.

– Дошли до нас вести, – гость сразу перешел к делу, – что нынче дочурка у тебя родилась.

Царь покивал и осторожно пододвинул Кашею бокал с вином. Тот не замедлил опрокинуть содержимое прямо в глотку. Содержимое глухо булькнуло где-то в недрах тела (бессмертного).

– Как же-с, как же-с, аккурат сегодня, ровно в одну минуту после полуночи и родилась! – поддержал беседу (не)счастливый папаша.

– И как? Хороша? – Кашей протянул венценосному собеседнику кубок, и тот поспешно наполнил его весело пузырящимся игристым вином.

– Да как сказать... – замялся царь, склонный к умалчиванию фактов, – бабки сказали, что здоровенька.

– А это главное! – поднял палец Бессмертный. – Остальное приложится.

– А зачем пожаловал? – заискивающе выговорил царь. – Мала еще дочурка-то, чтоб с нами разговоры говорить.

– Предсказание мне было, – задумчиво перешел к сути дела Кашей. – Мол, в жены я должен взять девицу, родившуюся сразу после полуночи. По всему выходит, что это дочь твоя.

– В жены?! Так ей же... и дня еще нет! – поднял брови до самой короны правитель-отец.

– Ничего, я подожду. А как исполнится ей шестнадцать лет, так свадьбу и сыграем.

Приданое стандартное запишем?

По щелчку пальцев Кашея посреди бокалов возник пергамент с типовым брачным договором.

– Ну да, ну да, – промямлил царь. – Полцарства, как положено. А ты ее и вправду в жены возьмешь?

– Чего ж не взять? Пора уж мне и остепениться. А раз суженой моей оказалась сама царевна, так и грех не воспользоваться ее полцарством. Соединю с моим царством, будем править с нею.

– Ну что ж, ну что ж, – задумчиво сопоставил размеры своего Полцарства с владениями Кащея (известного своими завоевательными действиями по всему Тридесятому миру) царь, – жених ты завидный, ничего не скажу. Вот только...

– Да-да? – ласково поощрил собеседника Бессмертный.

Царь поежился, но все же решительно промямлил:

– Как же с разницей в годах-то? Дитя ж совсем, а ты по слухам уж не один столетний рубеж перешагнул. Мне бы внучат...

– На этот счет можешь не волноваться, – с легким скрипом Кащей подмигнул почти что тестю. – Я ого-го сколько тебе внуков обеспечу!

– А, ну тогда ладненько, – с облегчением закрыл тему царь.

– Значит, подписываем. Вот тут, пожалуйста. И здесь еще.

– А это что? – царь прищурился, разбирая мелкий шрифт.

– Это я обезопасить свою будущую жену хочу, – пояснил Кащей. – Чтоб никакой Иван-царевич не позарился.

– Что ж ты, зятёк, – обиделся царь, как же ж можно? Все чин по чину организуем – помолвку там, оглашение, пир горой. Какой уж царевич?!

– Знаю я нас, царское племя! – постучал пальцем по царской короне Кащей. – Подвернется молодец какой, и девка сбежит, не обернется. А ты только руками всхлопнешь, мол, дело молодое. Нет, мне гарантии нужны. Вот тут эти гарантии и прописаны.

– Ну ладно, ладно, – проворчал царь. – Держи свои гарантии.

– Значит, жду сегодня оглашения, а завтра пир горой, – Кащей поднялся с резного кресла, оставив после себя на подушке характерную вмятину.

Царь тоже встал. А поскольку сидел на жесткой лавке, то с легким стоном поморщился.

– Будет тебе оглашение и пир. Давай обнимемся что ли? Родственники уж считай.

– Не до обниманий, папа, – сурово отрезал Кащей. – Вот как станет женой моей девка твоя, так и облобызаемся.

– Через шестнадцать лет, стало быть, – подытожил царь.

– Не раньше, – кивнул почти что зять и, щелкнув каблуками сапог-скороходов, удалился.

– Э-хе-хе, – резюмировал визит Бессмертного царь. И, тяжело вздохнув, пошел к жене осчастливить ее сообщением о состоявшемся сватовстве.

Царица после родов еще не оправилась, лежала себе потная и красная, любуясь на плод трудов своих. Плод лежал в многочисленных пеленках, из кружев чепчика высовывался только нос кнопкой. Нос производил спокойное впечатление.

Царь покосился на кружевной сверток и бочком подошел к супруге.

– Как ты, душенька? – начал он беседу.

Душенька демонстративно покряхтела, не отводя взгляда от кнопки.

– Красавица! – припечатала довольная мать.

– И не говори! – согласился царь.

Выдержал паузу, делая вид, что любит тонкостью кружевной работы.

– А я тут жениха нашел, – промямлил наконец.

Супруга проявила живейший интерес, даже позабыв о роли Матери, Только Что Родившей Ребенка.

– Ух ты! – вскричала она радостно. – Уже? Кто?

– О! Очень выгодная партия! – с воодушевлением ответил царь. – Богат, свое царство имеет, за наше приданое даже не обиделся, статен, высок. Девочке понравится!

– Полцарства его не отпугнули? – порадовалась и царица. – Хорошо. А то потребовал бы целое царство – и что бы ты нашему сынульке оставил?

– Нет-нет, тут чудесно все разлеглось! – царь поднялся, намереваясь на этом завершить беседу. – Ну, отдыхай, душенька. А у меня дела, дела...

– Про пир горой не забудь, – напомнила роженица. – Не каждый день царевны рождаются. И проследи, чтобы поросенка как следует пропекли. И бражки не переусердствуй, а то потом никакого рассолу на тебя не хватит. И ... А жених-то кто?

Но получить ответ на этот вопрос царица не смогла – под ленту ее монолога царь уже выскользнул из родовой.

А на следующий день, когда царица открыла глаза и велела подать ей дочь, она испытала величайший шок. В колыбельной на месте великолепно сложенной царевны лежала завернутая в фамильные кружева... лягушка. Долго вглядывалась царица в холоднокровное создание, размышляя, сразу ли упасть в обморок или сначала испустить долгий и пронзительный визг. Затем подняла глаза на няньку.

– А позови-ка сюда царское величество, – процедила она сквозь зубы.

Нянька, ошарашенная не меньше господи, поспешила выполнить указание – по крайней мере, оно было простым и понятным.

Царское величество поспешило на зов супруги, бросив на полдороге недопитый кубок. Царица встретила его сурово сдвинутыми бровями.

– А позволь-ка поинтересоваться, супруг любезный, какого этого лешего ты нашей деточке в женихи сосватал? – обманчиво тихими интонациями царица прикрыла клокочущие басы гнева.

– И вовсе не лешего, – обиделся царь, поняв претензии супруги буквально.

Царица добавила металла в голос:

– Кто посватался? Имя? Звание? И не надо мне про имущественное положение и про твои Полцарства! Ах! – запнулась на полуслове царица. – Богатый, но не ... Уж не Кашей ли это?

– Э... Хм... Как ты... Ты как всегда проницательна, душенька! – постарался подлизаться к разгневанной супруге царь. – Так все на лету улавливаешь, просто диву даюсь!

– Кашей?! – взвизгнула царица. – Ты отдал нашу кровиночку этому кровососу костлявому?! Этому душегубу болотному?! Этому злодею пиявочному?!

– Зато сколько получим! – царь попытался повернуть ситуацию иным боком. – Царицей станет? Станет. В масле кататься будет? Будет. Зять на родственников нападать не будет? Не будет.

– Это смотря какие отношения с тещей сложатся, – процедила мать невесты.

– Ты же не будешь, да, душенька? – просительно заглянул супруге в глаза царь.

– Там видно будет. И глянь-ка сюда! – неожиданный переход к верхней октаве оглушил царя, и он не сразу сообразил, что разгневанным перстом царица тычет в колыбельку.

Супруга пихнула мужа к пене кружев.

– И да, наша дочур... Боги и герои! Что с ней?!

– Надо же, так заметно! – язвительно прокричала царица. – Куда дитя дел, ирод?! Почему в пеленках лягушка?

– Подменили? – предположил царь. – Или украли?

– Тогда корону зачем оставили? Да еще фату нацепили?!

– Издеваются?..

– Балбес! – припечатала царица. – Ты договор с женихом подписывал?

– Ну как же! Все по правилам.

– А мелкий шрифт читал?

– Ну ты же знаешь, у меня со зрением так себе, – замылся царь. – Не буду же я при женихе очки надевать.

– Мелкий шрифт – это самое главное, идиот! – завопила царица так, что стены опочивальни подозрительно задрожали, а волнистый попугайчик в золотой клетке предусмотрительно упал в обморок.

– Ты, конечно, права, душенька...

– Неси сюда договор, окаянный!

Желая убажить разгневанную супругу сам было кинулся за документом, но опомнился на пороге и дрожащим голосом приказал челяди за дверь:

– Принести мою шкатулку с документацией!

В молчании ожидали супруги прихода слуги. Тот вошел в покои на цыпочках и поспешно вручил царю шкатулку. После чего не замедлил удалиться. От греха.

– Вот, душенька, вот документик, – раскидав прочие бумаги, царь извлек искомое. Царица выдрала у него из рук брачный договор дочери и молча вчиталась в мелкий шрифт, игнорируя словоплетения на тему "вручаем дочь царскую..."

– Ну слушай, чудище! – царица приступила к чтению вслух. – "Обязуемся дорастить невесту до брачного возраста, уберечь от посягательств и искушений. Со своей стороны считаем необходимым оказать всевозможную помощь и содействие. Посему любезно предоставляем свою волшебную силу для обращения царевны. Сразу же после вступления в законную силу брачного договора (помолвки и оглашения) царевна будет обращена в лягушку, дабы скрыть ее неземную красоту от искушения посторонними лицами. Рекомендуем поселить обращенную царевну в среду, наиболее соответствующую ее зачарованному облику (болото). Во избежание досадных недоразумений в виде покушений на жизнь царевны-лягушки различного вида цапель, я своею колдовской силою прикрепляю к ее голове корону (символ ее царского и человеческого происхождения). Цапель и прочих я предупрежу. В качестве защиты от традиции поиска невест разными Иванами-царевичами на болотах посредством запуска колющего оружия выступит фата, прикрепленная к короне околдованной царевны. Заклятие обращения вступает в силу в оговоренный срок. Обратное превращение произойдет в день свадьбы царевны с ее нареченным. То есть со мною". Дальше ваши автографы.

Царица свернула свиток грозно уставилась на мужа.

– И хочешь сказать, что ты это все не читал? А сразу поставил свою закорючку, в которой ни один потомок не признает имя царя? – попутно сделала выпад в постороннюю тему разгневанная супруга.

– Я же говорю, мелко очень, – пробубнил царь и взглянул на лягушачий профиль в кружевах. – А корона и впрямь золотая.

– Не увливай! Дочь обратил? Обратил. Колдуну отдал? Отдал. И какой ты после этого отец?

– Плохой, душенька, – покаялся царь.

Еще раз сурово поведя соболиными бровями, царица задумалась. Царь тоже хранил осторожное молчание. Только нерешительное "ква" и нарушило эту тишину. Родители дружно вздрогнули и уставились в колыбель.

– Народу нельзя говорить, – вздохнула царица.

– На болото? – спросил царь.

– Сначала дом дочери подготовь. Чтоб с комфортом жила. На сколько лет с этим... договорились?

– На шестнадцать.

– Значит, дом должен минимум шестнадцать лет простоять и не сгнить в болотном климате.

– Терем! Сейчас быстренько теремок возведем на болоте, что в глухом лесу на границе нашего Полцарства. Я знаю там одно местечко!

– Ну хоть на что-то твоя страсть к охоте сгодится, – вздохнула царица.

Осознав, что буря миновала, царь быстренько подхватился:

– Пойду приказы раздам. А ты лежи, отдыхай. Может, поспишь?

– Заснешь тут, – пробурчала царица.

***

Дел действительно было невпроворот. Муженьку хорошо: гаркнул приказным тоном – и терем начал строиться. А сам лишь гарцует вокруг стройплощадки да перстом тычет – тут гвоздик не перпендикулярно вбили, там дощечку недообстругали. А вечером, после трудов царского контроля, рюмочку наливки да спать. А у царицы дел – куда там царю с его конем! Надо и мебель подобрать в новый дом, и ковров наткать (не лично, но узор все же матушка сама составляла), и провизии на шестнадцать лет запастись, и библиотеку богатую составить (умственным развитием деточки нельзя пренебрегать, пусть и обратили ее злые чары в лягушку). Так что оба родителя были весьма заняты обустройством будущего благополучия дочурки. Той оставалось только расти и хорошеть. Во всяком случае, для холоднокровного земноводного выглядела она весьма привлекательно.

И вот настал день, когда царь с царицей посадили дочь в золотую коробочку и под покровом темной ночи совершили частную поездку в глухой лес, к дальнему болоту, где в рекордные сроки был возведен и обустроен терем для царевны. Дороги, наезженные строительной техникой, расторопные слуги уже засадили быстрорастущими кустарниками, следы стройки замаскировали мхами и лишайниками, а вокруг терема вкопали многочисленные побеги плющевидного дикого винограда девичьего, обещавшего заплести своими лозами строение в ближайшие пару лет.

– Вот твой дом, доченька, – обратился царь к царевне.

Та неуверенно квакнула, выглянув из золотой коробочки.

– Ох ты, батюшки! – спохватилась царица.

– Что такое, душенька? – забеспокоился царь, который уже видел окончание трудов своих и мечтал отдохнуть от отцовских забот.

– Мы со всеми этими хлопотами имя не придумали деточке! – покачала головой царица.

– Ох ты, батюшки! – согласился царь. – И как же назовем?

– У меня было запланировано имя Василиса Прекрасная, – задумчиво оглядела лягушонку царица. – Боюсь, мало оно ей подходит.

Царевна-лягушка осмелела и высунулась из коробочки.

– Щщщлп! – сказала она, ловко выбросив длинный язык и поймав комара.

– Да уж, Василиса бы Прекрасная на комара не позарилась бы, – проворчала царица.

– Ква! – ответила дочка и вывалилась на болотные мхи.

Еще один "щщщлп" – и царевна подкрепилась ягодами клюквы болотной.

– Что ж, пусть будет пока Клюковкой, – решила царица. – А когда по-человечески крестить будем, имя и подберем.

Нареченная Клюковкой царевна-лягушка несколькими грациозными прыжками преодолела водную гладь болота по выступающим на поверхность кочкам и приблизилась к терему, который должен был стать ее домом на ближайшие шестнадцать лет. Царь с царицей достали платочки. Дочь отправлялась в самостоятельную жизнь.

И потекли годы, а царевна жила себе да была. Жила на болоте, а была в меру прекрасной. Почему она оказалась на болоте, мы уже знаем. По поводу красоты вопрос пока оставался открытым. В первую очередь из-за разночтения мнений. Для местных лягушек – ни из кого не обращенных, а самых обычных – наша царевна являлась бельмом на глазу. Огражденная

чарами (а эти чары любой мог разглядеть невооруженным взглядом), Царевна-лягушка катастрофически выделялась из общества тех, кому она была подобна. Поэтому подружек среди лягушек у нее не было. А мужской пол дружно оценивал внешность иностранки в положительном ключе – Кашей все-таки знал свое дело, обращал людей в животных с толком и знанием анатомии. Но шагов по сближению не предпринимал – опять же по известным причинам. Аисты, журавли и прочие цапли зорко выделяли лягушку среди прочих звеньев пищевой цепочки и с отвращением отворачивались при виде золотой короны. Но это вряд ли говорило о непривлекательной внешности.

Долго ли коротко ли, однако время неумолимо стремилось вперед по своей временной оси. Царевна росла, хорошо питалась и много гуляла. Зимой укладывалась спать со всеми удобствами, в отличие от себе подобных – ведь обычные лягушки погружаются в зимнюю спячку закапываясь в ил или тину. Привилегированное положение царевны (пусть и в обличии земноводного) обеспечивало ей сон на мягкой перине под ватным одеялом. Весной она выбиралась на солнышко, питалась свежими комарами, к лету на болоте появлялась клюква. Да и погреб не слишком быстро пустел, забитый под завязку припасами на шестнадцать лет. Так что с питанием проблем у сосланной царевны не было.

Хуже дело обстояло с общением. Опять-таки из-за своего исключительного положения царевне не удалось обрести друзей-подружек, необходимых в детстве. Как было сказано выше, прочие лягушки сторонились заколдованной царевны, птицы не слишком жаловали, а иные звери редко заглядывали на зачарованное болото ввиду его малой доступности. Волшебные кусты разрослись, тропы исчезли, неподготовленному путнику пробраться к водной зыби было трудно. Да и незачем. Вот и куковала... то есть, квакала царевна в изоляции. Однако одинокой она себя не чувствовала. Потому что ее окружали Вещи. Волшебные. С ними мы познакомимся в свое время.

***

В день своего шестнадцатилетия Царевна двумя прыжками преодолела расстояние между постелью и Волшебным зеркалом, по велению матушки-царицы выполнявшему роль наставника и собеседника.

– Утро доброе! – поспешно поздоровалась Царевна, вглядываясь в отражение.

Глубины зеркала замерцали, оттуда же донесся звук мощного зевка.

– И тебе доброго утра! – сонным голосом ответило Зеркало.

– А почему я не превращаюсь? – высказала недовольство Царевна. – Мне было обещано, что в шестнадцать лет скину я лягушачью кожу и обращусь в прекрасную деву. И где?

Зеркало помолчало, оглядывая собеседницу.

– Да, превращение задерживается, – констатировало оно очевидный факт.

– Как узнать причину? – желала знать Лягушка.

– Посредством обращения к тексту договора.

Зеркало зашуршало в своих запасниках и развернуло на стекле договор, подписанный шестнадцать лет назад счастливым женихом и отцом невесты. Царевна недовольно пробурчала: "Ниже опусти!" и пробежала глазами текст.

– Я вижу тут про свадьбу в день шестнадцатилетия! – заявила она с огорчением. – Про свадьбу, а не про обратное превращение! Почему мне никто не сказал?!

– Говоря коротко, это было разумное умолчание в благих целях, – невозмутимо ответило Зеркало.

– И поэтому мне никто до сих пор не показывал текст договора! – осенило Царевну. – Чтобы я не расстраивалась раньше времени!

Она помолчала, измерив в лягушиных прыжках длину светлицы (пять). Зеркало невозмутимо молчало.

– Ладно! – Царевна вернулась на исходную позицию. – Значит, перед нами встает вопрос: а где, собственно, жених?

– Еще не приехал? – задало бессмысленный вопрос Зеркало. – Тогда ждем. До вечера времени много. А тебе, царевна, позавтракать надо. И корону поправить, набор свесилась.

Лягушка недовольно закатила глаза, но указания Зеркала-наставника выполнила. Затем прочитала отмеченную вчерашней закладкой главу из учебного пособия "Как стать принцессой". Приготовила обед из трех перемен блюд. Прогулялась вокруг терема. Вернулась. Кашея не было.

– И как я должна это понимать? – возмутилась Царевна, возобновляя прерванную беседу. – Где жених? Где превращение? Я рассчитывала встретить закат солнца в человеческом облике. Конец мечтам? Я разочарована! Очень разочарована! Как связаться с дворцом? Кому высказать претензию?

– Не кипятись, душенька, – безмятежно откликнулось Зеркало. – У меня, конечно, нет возможности послать сигнал бедствия, но в главе восемнадцатой твоего учебника есть инструкция по написанию жалоб в вышестоящие инстанции.

Лягушка квакнула в досаде.

– Жалобу я и без инструкций напишу. Отправить-то ее как?!

– А почтовые голуби на что? – зеркальная поверхность изысканной рябью на поверхности изобразила пожатие плечами. – Пиши, а отправим с ними.

Пылая негодованием, Царевна уселась за составление письма. За написанием время полетело еще быстрее, и вот уже раннее летнее солнце закатилось за верхушки густого соснового леса, а вскоре и последние лучи его перестали освещать небо. Раздраженным щелчком перепончатых пальцев Царевна зажгла волшебную свечку, и та осветила неровным светом исписанные страницы жалобы. Мощным звуком зевка Зеркало напомнило о себе. Лягушка немедленно тоже зевнула и поставила жирную кляксу вместо точки.

– Готово! – заявила Царевна.

Часы на стене начали собираться с мыслями, готовясь отбить полночные двенадцать ударов. Привычная к скрежетам кукушки, Лягушка не особенно обращала на нее внимание, но сейчас был ответственный момент: заканчивался столь ожидаемый день рождения, принесший исключительно разочарование. Кукушка высунулась из гнезда, прочистила горло и начала:

– Ку-ку!

– Вот, – с чувством процедила Царевна. – Уж полночь. А Кашея все нет. Обманул.

– Ку-ку!

– Посмеялся!

– Ку-ку!

– Надругался!

– Ку-ку!

– Предатель!

– Ку-ку!

– Злодей!

– Ку-ку!

– Душегуб!

– Ку-ку!

– Обманщик!

– Ку-ку!

– Проходимец!

– Ку-ку!

– Да просто хам!

– Ку-ку!

– И вообще – негодяй!

– Ку-...

Финальное "Ку-ку!" заглушил стук в дверь. Царевна поперхнулась последним ругательным словом. Зеркало встрепенулось, мгновенно потеряв умиротворяющий полумрак экрана. Кукушка закончила свою партию дуэта с возмущенной хозяйкой терема и, похлопав крыльями, удалилась за свою дверцу. Лягушка нервным прыжком подскочила к сундуку с волшебными вещами и извлекла из нее дубинку-самобиту. Переглянувшись с Зеркалом, Царевна произнесла тоненьким голосом:

– Кто там?

– Я.

– Хм, ёмко, – прокомментировало Зеркало с изрядной долей любопытства.

– А поточнее? – Царевна поудобнее перехватилась рвущуюся в бой Дубинку.

Из-за двери донеслось задумчивое переминание с ноги на ногу.

– Через дверь представляться? – поинтересовались оттуда.

– Начнем с безопасного расстояния, – подтвердила Лягушка.

– Тогда разрешите доложить, – в голосе гостя появились уверенные нотки давно заученного текста: – Посланник его величайшего величества царя-батюшки Кащея Бессметного к нареченной ему в супруги царевне, временно безкоролевственный царевич.

Он замолчал. Потом спохватился и добавил:

– Иван.

Зеркало задрезжалось, изобразив бурную радость.

– Вот, я ж говорило – объявится жених!

– Царевич? Иван? – переспросила Лягушка. – А сам где?

– А сам... то есть, его кашейское величество заняты, отвлекаться не могут от своих завоевательных амбиций. Ну ни секунды свободной! Не спят-с, не едят-с, всё воюют. Мир-то большой!

– Ну тут соглашусь, – Царевна бросила понимающий взгляд на украшавшую стену теремной светлицы огромную карту сказочного мира. – А тебя зачем прислал? Заместителем?

– Сопровождающим лицом! – бодро откликнулся посланник. – Мне поручено сопроводить невесту к месту бракосочетания.

– То есть, ехать? Мне?

– Совершенно верно!

– А куда? За какие-нибудь тридевять земель? В тридесятое царство? Не поеду! – отрезала Царевна. – Где это видано – чтобы невеста к жениху ехала? Да еще не пойми с кем!

– Царевич я, – обиделся царевич. – Очень даже пойми кто! Обо мне даже в энциклопедии написано!

– Наверное, очень мелким шрифтом, – съехидничала Лягушка. – И две строчки: родился тогда-то, пока жив, ничем не отличился.

Она повернулась к Зеркалу. То поспешно зашуршало в личной библиотеке страницами, отыскивая необходимую статью.

– Точно, есть, – огласило итог работы Зеркало, заставив вздрогнуть застывшую в насупившемся молчании пару собеседников. – Царевич. Иван. Родственник Кащея по материнской линии. Троюродный праплемянник в шестом колене. Исполнительный. Верный. Находчивый.

– Это все в энциклопедии написано? – удивилась Царевна.

– Там про всех жителей земной тверди написано, – поучительно заметил Царевич-Иван. – Читала бы ты статью по себя!

– И про меня есть? – порадовалась Лягушка. – Ну-ка, огласи!

Зеркало помолчало.

– Что-то неохота, – пробурчало оно наконец.

Вновь повисла пауза.

– Так можно мне войти-то? – деликатно спросил Царевич-Иван. – Дождь тут...

Лягушка пошевелила кожей на лбу – размышляла. Зеркало не прерывало течения ее мыслей – читало энциклопедию.

– Ладно, заходи. Но кормить и поить я тебя не планирую.

– Ну и ладно. У меня бутерброд с собой.

Царевна шелкнула пальчиками, и здоровенный крюк на двери откинулся, освобождая дверь от закрытия. Давно не смазываемые петли заскрипели, и через порог шагнул Царевич-Иван. Шагнул и... Бац! Стукнулся лбом о притолоку – высота дверного проема не предполагала долговязых гостей. Царевна усилием воли сдержала девичье хихиканье. Тем более, что гость оказался на редкость привлекательным человеком. Ну или Лягушка мало видела людей, поэтому была впечатлена и косой саженью в плечах, и прекрасно уложенными белокурыми волосами, и ярко-синими глазами, и великолепной фигурой. Даже рот забыла закрыть. И что хотела сказать – тоже забыла.

Зеркало опять кашлянуло, подумав при этом, что надо бы сменить сигнал оповещения, а то скоро станет производить слишком простуженное впечатление. Царевич собрался с разбежавшимися после удара о дверь мыслями. Царевна закрыла рот. Беседа продолжилась.

– Позвольте вручить Вашей сиятельности послание от царя-батюшки Кашея Бессмертного.

– Ага, – сказала Царевна, позабыв о хороших манерах. На более связную монологическую речь она пока было неспособна.

Царевич-Иван протянул хозяйке терема свернутое в рулон послание, для прочности обернутое вокруг стрелы и обвязанное красной нитью. Стрелу Царевна вернула посланнику, а в текст вчиталась. Затем перечитала. Посмотрела на оборотную сторону (там было пусто). Снова начала читать сначала.

Зеркало не выдержало:

– Ну, чего там? – прошипело оно.

– Это... Там... Того... – нечленораздельный ответ обычно всегда знающей что сказать подопечной озадачил Зеркало.

Оно помолчало и обратилось к Царевичу-Ивану.

– Пока она в себя приходит, может, ты мне скажешь, что так шокировало царевну. Кашей передумал жениться? Она навсегда останется лягушкой?

– Разумеется, нет, – радостно откликнулся Царевич-Иван между двумя жевками бутерброда. Похрустел листиком кучерявого салата и продолжил: – Его кашейское величество славится своей способностью сдерживать обещания. А этим не каждый правитель может похвастаться... В свете текущей политической ситуации они прибыть к месту свадьбы не могут. Но со свойственной им мудростью и находчивостью нашли выход из сложившейся ситуации. Жениться-то надо. Поэтому... – посланник откашлялся, изгоняя из не того горла крошку булочки с кунжутом. – Поэтому они отправили меня. Жениться на царевне.

– Чего? – взревело Зеркало, не успев взять себя в руки и отреагировать как подобает мудрому и сдержанному стеклу-советчику.

– По доверенности, – хмуро квакнула Царевна. – Де юро. Временно.

– А, ты уже очнулась, – порадовалась стеклянная поверхность. – Огласи текст.

– Чего оглашать-то? – пожала зелеными плечиками Лягушка. – Этот уж все тебе огласил. Он берет меня в жены по поручению и от имени нареченного жениха. После чего доставляет меня к супругу. И тот уже обращает меня в положенный облик.

Зеркало помолчало. Царевна покосилась на Царевича-Ивана. Прекрасный греческий профиль также радовал глаз, как и вид анфас. Поэтому Лягушка слегка покраснела (в глубине

души) при мысли о браке с этим природным совершенством. Пусть даже де юро. Совершенство же дожевало последние крошки бутерброда и довольно потянулось.

– Ну что, где будем сочетаться? – бодро продолжил тему Царевич-Иван.

– Что, прямо сразу? – возмутилась Царевна. – А как же традиции и обычаи семьи невесты?

– Что за традиции? – жених по доверенности выпучил глаза не хуже невесты.

– К родителям моим прийти на поклон, хлеб-соль получить, рис за спину бросить, – продиктовало Зеркало со своей стены.

– Гостей созвать, пир-горой закатить, – добавила Царевна. – Такие дела с кондачка не делаются.

– А вот интересуюсь, как ее сиятельство планируют на данном пир-горе появиться? – спросил Царевич-Иван. – Или тоже невесту какую посаженную найдем? Чтобы не шокировать гостей многочисленных.

Лягушка с Зеркалом переглянулись.

– Ну тут он прав, конечно, – нехотя признало волшебное стекло. – Программа слегка изменилась. Классический вариант свадьбы в текущих условиях ну никак не прокатит.

Лягушка посмотрела на Зеркало, потом на свое отражение в нем, потом опять на Зеркало.

– Вынуждена согласиться, – поджала она губы. – И какой же в этом случае план?

– План простой. – Царевич-Иван вытер губы рукавом и покосился на обеденный стол, где стояла кружка с пивом. – Сейчас мы женимся. У меня тут и доверенность на должность бракосочетателя есть. Любой может произнести текст. А завтра прямо как встанем, так сразу и выдвигаемся.

– Куда? – опешила Царевна.

– Так к батюшке.

– Кашею? – запуталось в определениях Зеркало.

– Ни в коем случае. К батюшке невесты. Там надо документ о передаче невесты подписать.

– О передаче? – слабым голосом переспросила Лягушка.

– Разумеется. Строго по описи. Царевна. Одна штука. Корона. Одна штука. И так далее.

У нас все четко.

– А после батюшки куда? – Царевна начала обретать потерянное присутствие духа.

– А потом я должен препроводить вверенный мне объект в кашеево царство. Путь неблизкий, сразу признаюсь. Да и непростой. Болота там, реки всякие преодолевать придется.

– А горы? – с надеждой спросила Царевна.

– И горы, куда ж без них, – согласился Царевич-Иван.

– А море будет?

– Нет, моря не будет, – разочаровал жених невесту. – Будет океан.

– Океан?! – радостно вздохнуло Зеркало. – Чур, я с вами.

Царевич-Иван скептически осмотрел просителя.

– И как ты себе это представляешь? Я тебя не потащу, – сразу же огласил юноша свою позицию.

Зеркало захлебнулось словами от волнения.

– А я много места не занимаю! Я буду... Я могу... Я же не...

– Ты его понимаешь? – обратился жених к невесте.

– Ну... – внятного ответа у Лягушки не было, и она покосилась на колышущееся в нетерпении волшебное стекло. – Позволь указать тебе на очевидный факт: места ты занимаешь много. А про вес я и вовсе молчу.

Зеркало аж заискрилось.

– Так я ж могу... А вы меня... С собой! Океан!

– Вот был бы человек, так я водичкой бы в него плеснул. Или дал дружески по морде. Чтоб в себя пришел и вспомнил какие-нибудь значимые части речи. А зеркалу как подзатыльник дашь? – задумчиво проговорил Царевич-Иван.

– Не надо подзатыльник, – попросила Царевна. – Оно сейчас в себя вернется и все разъяснит. Ведь так? – с нажимом подняла она кожу над глазами.

Зеркало откашлялось и слегка притушило сияние амальгамной поверхности.

– Я это... Я ж могу в любом предмете. Просто в зеркале удобнее.

– Тьфу! – прокомментировал посланник Кашея и отвернулся. – Пошли жениться.

– Погодите! – завопило Зеркало. – Вот! Смотрите!

Внутри огромной зеркальной рамы что-то зашипело, загудело, зашуршало – как будто кто-то быстро-быстро собирал вещички. Потом из стекла просочился вихрь серебряных искр, истекая ровным потоком прямо на пол светлицы. Поток этот протиснулся между Лягушкой и Царевичем-Иваном (те поспешно уступили дорогу) и мощной струей влился в изящное зеркальце, лежавшее на столе. То нервно звякнуло – и из его недр донесся бодрый голос:

– Видели? И все дела! Теперь я помещусь в кармане! Океан, детка!

Жених с невестой переглянулись.

– Ну ладно, в таком компактном варианте я согласен тебя нести, – известил Царевич-Иван. – У царевны что-то с собой будет из багажа?

– Корона только, – буркнула Царевна и поправила упомянутый багаж. – Надеюсь, прокормить меня в дороге сможешь? Не нужно с собой провизию брать?

– А зачем с собой-то? – озадачился провожатый. – Комаров и мошек везде много.

Он демонстративно почесал шею.

– Я не только природную среду ем, – обиделась Царевна.

– Тогда готовь себе деликатесы. В узелок сложи да на палочку повесь.

– Мне самой его тащить? – возмутилась Лягушка.

– А как ты думала? Необходимый минимум я тебе обеспечу, но все, что сверх бюджета, – за свой счет!

Царевна, насупившись, поразмышляла несколько мгновений.

– Ладно, обойдемся минимумом. Теперь что?

– Теперь женимся!

Царевич-Иван извлек из колчана еще одну стрелу с намотанной на нее бумажкой.

– Вот доверенность на право бракосочетания. Кто будет читать?

Царевна Лягушка огляделась по сторонам. Кроме них двоих в помещении не было ни одной живой души. За исключением...

– Вот зеркало пусть и читает, – решила невеста и подтолкнула руку жениха с доверенностью в сторону упомянутой живой души.

– Зеркало? – с некоторым сомнением Царевич-Иван изучил волшебное стекло в серебряной оправе.

– И чем я тебя не устраиваю? – обиделось Зеркало в новом теле. – Читать умею, даже с выражением. А в твоей доверенности наверняка не сказано, что волшебные предметы не имеют права выполнять функции бракосочетателя!

– Мм? – усомнился посланник Кашея и поспешно развернул документ. – Да, не сказано. Просто оставлено место для вписания имени.

– Вот и пиши! – велел волшебный предмет.

– А у тебя есть имя? – удивилась Царевна.

– Разумеется! Пиши "Зер"...

– Я знаю, как пишется слово "зеркало". Через "е", – Царевич-Иван поплевал на вечное перо, извлеченное из-за пазухи.

– Радо за тебя, – саркастически прокомментировало Зеркало. – Пиши, что диктую: зер...
– ...кало, – закончил пишущий.

– Ты по чину Иван-Царевич или Иван-дурак? – утратило хорошие манеры Зеркало. – Имя у меня Зер-ца-ло! Ударный слог – второй. А то сейчас понавписываешь неправильно. Знает он! Как же!

– Ух ты, а мне почему никогда свое имя не говорило? – встряла Царевна.

– А зачем? – Зерцало интонационно пожало плечами. – Тебе не надо было меня звать.

– Ну да, – согласилась Лягушка.

– Стало быть пишу: "поручается Зерцалу произвести церемонию бракосочетания..."

В наступившей тишине слышалось только поскрипывание вечного пера по берестяному документу. Присутствующие почтительно молчали. Царевна внимательно следила за заполнителем документа, получив возможность беспрепятственно любоваться благородным греческим профилем Царевича-Ивана. Но делала она это искоса, вроде как незаметно, активно демонстрируя заинтересованность в выведении букв. Зеркало тоже молчало: лежа на столе, оно теперь было лишено возможности что-либо видеть, кроме потолочных балок. А стало быть, не могло и язвительно комментировать происходящее, чему Лягушка была только рада.

Наконец все необходимые пробелы были заполнены, и Царевич-Иван поднял глаза на невесту.

– Ну вот, – проговорил он, – готово.

– Поставьте меня наконец! – подало голос Зеркало. – Мне нужно видеть: во-первых, текст, а во-вторых, брачующихся.

Царевна подскочила к столу и аккуратно прислонила зеркальце в серебряной оправе к кружке пива. В его амальгамной поверхности отразилась зеленая внешность Царевны и румяное лицо Царевича.

– А текст?

Жених развернул перед собой заполненную бересту.

– Так видно? – заботливо поинтересовался он у назначенного бракосочетателя.

– Видно, – буркнуло Зеркало. – Невесту поставь на лавку что ли!

Царевич-Иван широким жестом протянул ладонь, чтобы Царевна могла запрыгнуть на нее. Лягушка замаялась, но преодолела природную робость и вспрыгнула на руку посаженного жениха.

– Готовы? Могу начинать?

Брачующиеся дружно кивнули.

– Итак, царевна именем Клюковка нареченная, в лягушку обращенная, в глуши возвращенная, выдается замуж за царя величайшего, правителя бессмертного, кесаря всевластного, короля стран дальних и ближних, завоевателя земель далеких и близких, всемогущего Кашея Никандоровича Первого и Единственного, – с выражением озвучило Зеркало первый абзац из шпаргалки брачующего. – В лице Царевича-Ивана, коему Первый и Единственный доверил самое ценное, Кашей Никандорович клянется в верности своему слову и любви к своему дому. И гарантирует, что совершает бракосочетание по воле доброй и не имея в мыслях крамольных затей.

Выразительная пауза. Царевич-Иван поспешно заполнил ее:

– Клянусь.

– Царевна в облике лягушки, но в сердце своем вполне себе человек, также клянется в любви к новоявленному супругу, обязуется хранить ему верность, почитать, холить и лелеять в любом состоянии его духа и тела.

Снова пауза – теперь для Царевны.

– Клянусь, – неуверенно квакнула она.

– Настал торжественный момент обмена кольцами, которые навсегда свяжут накрепчайшими узами два сердца, единые в своем любовном порыве.

Царевич-Иван извлек из колчана очередную стрелу – между оперением и наконечником болтались два золотых кольца.

– Не великовато ли? – обеспокоилась Царевна, протягивая перепончатую лапку.

– Кашей Никандорович лично их заколдовали, – пояснил жених. – Всеразмерные.

И натянул на пальчик Лягушки золотое колечко. Оно действительно сразу же уменьшилось, плотно обхватив фалангу Царевны. Полюбовавшись на изящную гравировку, украшавшую ободок ее кольца, Царевна в свою очередь нацепила второй символ брачных уз на палец жениху по доверенности.

– А теперь жених может поцеловать невесту! – радостно прокричало Зеркало.

– Хм, – сказал Царевич-Иван. – Там действительно так написано?

– Можешь перевернуть текст к себе буквами и прочитывать, – обиделось Зеркало. – Я лишь цитирую написанное.

Царевна Лягушка выжидательно подняла глаза на мужа по доверенности. Царевич-Иван вздохнул и чмокнул ее в макушку.

– Э, нет! – подзуживало Зеркало. – Ты ж как муж должен ее поцеловать! Зря тебя Кашей прислал. Ничего ты не умеешь!

– Умею, – обиделся Царевич.

Получив положенный поцелуй в губы, Лягушка на мгновение замерла – а вдруг сейчас обратится в прекрасную девушку? Но нет, чуда не случилось, она так и оставалась зеленой земноводной. Вздохнув, она спрыгнула с ладони новоявленного полусупруга и вспомнила о своих обязанностях хозяйки дома.

– Я тебе постелю в гостевой светлице. А завтра...

– Завтра выдвигаемся в путь-дорогу, – согласился Царевич-Иван. – Дорога дальняя, путь заковыристый. Надо сил набраться.

И он с чувством зевнул. Царевна отправилась в гостевую светлицу, брошенное на столе Зеркало не имело возможности комментировать происходящее, а потому предпочло погрузиться в сон. Лягушка мановением лапки заставила подушки взбиться, простыни разгладиться, а одеялу гостеприимно откинуть уголок. Царевич-Иван не стал медлить и последовал примеру Зеркальца. Одна лишь Царевна половину ночи возилась на мягкой перине в своей опочивальне, силясь переварить события дня своего шестнадцатилетия. Как-никак, но замуж она вышла. Пусть даже и таким странным способом, когда вместо жениха присутствует его доверенное лицо (ах, какой какое лицо!), а саму церемонию ведет волшебное зеркало. И в попытках уснуть Царевна попыталась представить свое будущее. Отдаленные события казались слишком неясными. Зато ближайшие планы были вполне конкретны и даже складывались в четкий список:

- а) навестить родителей и получить у них расписку о передаче невесты жениху
- б) провести упоительный медовый месяц в обществе подложного супруга;
- в) встретить настоящего супруга;
- г) получить от него обратно свой истинный облик неземной красавицы.

В силу своего воспитания и возраста Царевна пока не могла представить, сколько подводных камней притаилось на пути ее стройных планов. Хотя один из них уже смутно чувствовала: впечатление от Царевича-Ивана явно не укладывалось в рамки великосветского поведения.

Размышляя и рассуждая, Лягушка мучилась бессонницей, пока ее не убаюкал зашуршавший по крыше терема летний дождик.

***

За прошедшие шестнадцать лет царь-батюшка изрядно изменился. На любом организме скажутся излишества всякие нехорошие – у царя на лице проступили следы обильных возлияний, а талию скрыли не менее обильные пиры. Но внешние изменения, хоть и бросались в глаза, но были гораздо мельче внутренних метаморфоз. Взгляд царя потускнел, пропал интерес к жизни. На охоту, например, уж года два не выезжал – слыханное ли дело для человека, не мыслящего себя без сокола на руке?!

Царица-матушка внешне мало изменилась. Как женщина благоразумная, она держала свои аппетиты в ежовых рукавицах, делала по утрам обливания холодной водой и посещая искусных мастеров по лицам не реже раза в год. Да и употреблять молодильные яблочки не брезговала. Поэтому формы сохраняли положенную возрасту аппетитность.

Утром прекрасного летнего дня царица наложила на лицо питательную маску и, ожидая ее воздействия, почитывала новости в волшебном блюдечке. Новости были стандартные: боярыня Прекрасная разругалась с супругом и теперь судится с ним из-за опеки над общими и приемными детьми; сапоги-скороходы убежали от хозяина, а детишки из соседней деревни их догнали и устроили местечковые соревнования; ступа самолетающая с пассажиром на борту потерпела крушение в болотистых лесах и на спасительную операцию местные лешие снарядили отряд из добровольцев, чему активно воспротивились болотные старожилы семейства кикимор, апеллируя к закону "Что с воза упало". Изучив свежие местные новости, царица пустила яблочко по блюдечку в обратном направлении – заграничные новости также интересовали правительницу. Но и там кроме светских сплетен не наблюдалось перемен. Разве что история принца Рыжего с его тайной метрессой стоила внимания.

Маска завершила свое благоприятное воздействие на кожу, и Царица приступила к удалению остатков питательных веществ. Яблочко по блюдечку замерло на голубой каемочке, ожидая дальнейших распоряжений. Царица прервала процедуру смывания маски и покрутила хвостик у яблока, переключив канал на семейные новости. На блюдечке проступил кабинет супруга, где тот сидел, пригорюнившись, на списанном троне (для парадной залы сиденье уж совсем не годилось, но для личных покоев послужит еще ого-го сколько!). В опочивальне старшего сына-наследника было темно – спал еще деточка богатырским сном, умаявшись на полуночной вечернике с друзьями детьми боярскими. В детской суетились няньки – младшие близняшки (мальчик и еще мальчик) как раз собирались позавтракать. В девичьей светлице дочки-погодки (Беяна, Заряна и Румяна) нехотя и вяло делали утреннюю зарядку под присмотром аглицкой гувернантки.

Наконец блюдечко переключилось на канал дальнего болотного терема. И высветило пустоту помещений. Обращенной в земноводное дочери в прописанных покоях не было. Царица открыла шкатулку и вытащила оттуда зеркальце в серебряной рамке. Контакт с большим настенным зеркалом терема установился, но ответного приветствия оттуда не последовало. Царица поняла, что пора начинать беспокоиться. Еще раз оглядев помещения болотного терема – не проявится ли старшая дочурка, нет ли следов разгрома, не оставлена ли записка какая на столе? – царица решительно вызвала прислугу энергичным потряхиванием колокольчика.

Однако в опочивальню царицыну вошла вовсе не вызываемая камеристка, нет, сам царь-батюшка протиснулся сквозь скромно приоткрытую створку тяжелой дубовой двери, раскрашенной искусной резьбой и оживленной яркой росписью. Поскольку процедуру смывания питательной маски с лица Царица прервала на полуслове, то супруг ейный слегка вздрогнул при виде белых разводов на лице жены. Но он быстро придал собственному лицу безмятежный вид.

– Душенька! – начал он беседу с поцелуя в плечико. – Чудно выглядишь.

Царица с сомнением оглядела свое и мужнино отражение в зеркале трюмо и, спохватившись, продолжила снимать маску с лица.

– Я уверен, ты уже в курсе, душенька, – пробормотал царь, покосившись на заливное яблочко на блюдечке с голубой каемочкой.

– Смотря, о чем, – молвила через ватный диск царица.

– О дочурке нашей старшенькой, – пояснил царь-батюшка.

– Ну? – неопределенно ответила царица. Благодаря волшебным дарам своей матушки, она всегда была в курсе новостей раньше царя и Цардумы, но не в случае с обращенной дочерью. Только вот признаваться в этом ей совсем не хотелось. Поэтому она притворилась, что занята косметическими процедурами, предоставив право слова мужу.

– Прибудет она во дворец наш нынче вечером, – вздохнул Царь-батюшка. – Обращения не произошло пока, как ты уже наверняка знаешь.

– Знаю, – почти не слукавила Царица, ведь теперь она действительно оказалась в курсе. – Но подробности мне неизвестны. Бессмертный отказался от своего слова?

– Вроде как нет, – опять вздохнул царь-батюшка. – Но явно что-то темнит.

– А у тебя информация откуда? – Царица наконец удалила остатки маски с лица и приступила к наложению изысканного, но в то же время незаметного макияжа.

– Прислали голубя почтового. Идут к нам тропами тайными, дабы в глаза не бросаться.

– Кто «они»? – ухватила главное в информационном сообщении царица.

– Дочурка наша, советник ейный, тобою наколдованный с таким мастерством... – супруг сделал паузу для благодарной улыбки, не дождавшись, закончил перечисление списка делегации: – И посланник кашцеев.

– Что за посланник? Имя? Звание? Возраст? Имущественное положение?

Царица аккуратно подрисовала правую бровь.

– Ей-богу, душенька, знать не знаю, – отмежевался Царь. – Голубь только список визитеров предоставил. Вот, можешь почитать.

Царица отмахнулась. Супруг опять тяжело вздохнул. Жена наконец обратила внимание на эти намеки. Оставив попытки подвести под соболя левую бровь, она повернулась к собеседнику.

– Ну? И что тебя так печалит? – спросила она, сдвинув докрашенную и недокрашенную брови.

В очередной раз продемонстрировав мощь своих легких, царь-батюшка вяло доверился жене:

– Да полцарства.

Царица подняла брови в немом вопросе. Царь опять тяжело вздохнул:

– Приданое, – пояснил он.

Брови поднялись еще выше.

Вздох.

– Я проиграл его. В карты.

Царь-батюшка втянул голову в плечи, прошептав это признание. Выше поднять брови Царице уже не удалось бы, поэтому она их вновь сдвинула.

– Прости, не расслышала. Ты его... что?

– Проиграл... – покаянно прошептал Царь.

– Кому?!

– Помнишь, к нам караван торговый приезжал? Ты тогда еще себе коврик прикупила?

– Ну?

– Вот тогда и соблазнили меня, ироды! Мол, не смогу я у них выиграть в простейшую игру. Нет, ну представляешь?! Сказать такое мне?! Выросшему в среде азартных игр...

– ... Строго запрещенных тобою же, – ввернула Царица.

– Так я ведь на личном опыте знаю, к каким последствиям прискорбным может довести эта страсть окаянная! – кинулся защищать собственный указ Царь-батюшка. Осекся. Вздыхнул. – Вот и проиграл...

Царица побарабанила длинными наманикюренными ногтями по столешнице трюмо. Переработала информацию. Увидела вновь свое отражение в зеркале и вернулась к макияжу. Царь не решался прервать паузу. В тишине только шуршали по лицу кисточки. Иногда звучал тяжкий вздох.

Нанеся завершающий штрих лебяжьей пуховкой, Царица наконец повернулась к супругу.

– Значит, так. Про полцарства пока ни слова. Узнаем, чего там Кашей удумал. В крайнем случае, апеллируем к невыполнению пункта о превращении. Далее. Созови картографов. Пусть границы государства перерисуют. В договоре же не оговорены квадратные версты?

– Вроде бы нет, – царь не был уверен.

– Проверь.

– Сделаем, матушка! – Царь воодушевился, как это бывало всегда, когда жена предлагала ему решение проблемы.

Радостно чмокнув супругу в плечико, он умчался готовить лазейку из получившейся ситуации, а Царица пробормотала в зеркало:

– И это царь...

***

Царевна-лягушка и Царевич-Иван действительно шли тайными тропами к столице. Глухие леса и быстрые реки отнюдь не препятствовали на дороге, поскольку зеркальце активно руководило маршрутом, сверяясь со своей богатой внутренней библиотекой.

– Здесь будет болотце. Небольшое. Правая кочка с камышом. Следующая – с камушком. Теперь перепрыгнуть. А здесь можно и вброд. Штанишки подверни, чтоб не намочить.

Царевич-Иван следовал инструкциям, а Царевна просто повторяла действия ведущего, не слишком задумываясь. Чуть было не начала тоже штанишки подворачивать, хорошо, опомнилась.

– И далеко еще? – попыталась было завести светскую беседу с супругом, но тот молчал, не владея информацией. Зато Зеркальце владело.

– Осталось восемнадцать верст. Полдня. С перерывом на обед.

– О! Будет обед! – обрадовалась Царевна-Лягушка.

– Не будет, – обломал ей радость Царевич-Иван. – Ужином придется ограничиться. У Царя-батюшки.

Лягушка насупилась. Болотистые тропы её, привычную к прогулкам по пересеченной местности, не слишком смущали, поэтому внимание не рассредоточивалось, позволяя всецело посвятить себя недовольству.

– Ты ж обещал обеспечить мне необходимый продовольственный минимум, – напомнила она в спину супругу по доверенности.

– Вот и лови комаров, – почесал щеку Царевич-Иван. – Чем тебе не обед?

Лягушка фыркнула.

– Я же царевна. Мне не положено комарами питаться.

– А чем же тебе положено? Клюквой болотной? Так и ее тут несметное количество. Ешь – не хочу.

– А я и не хочу! – пожалала плечиками Царевна. – Я привыкла к полноценному трехразовому питанию, все как положено: первое, второе, десерт с компотом.

– Ага, – поддакнуло Зеркальце из-за пояса Царевича-Ивана. – У нас каждый день скатерть-самобранка полный стол накрывала.

– Ты взяла с собой скатерть? – поинтересовался Царевич-Иван.

Лягушка возмущенно квакнула в сердцах.

– Ты же ограничил меня по весу багажа! – с претензией напомнила она. – Лишь самое необходимое в узелок завязала.

– И что же в твоём узелке? – Царевич-Иван не удержался от язвительного взгляда в сторону упомянутого узелка, который Царевна-Лягушка несла лично на палочке через плечо.

– Личный дневник, перо самопишущее, путеводитель по Тридесятому царству, помада, тушь, тени для век, запасная корона и духи.

– Действительно, самое необходимое, – хмыкнул Царевич-Иван.

– Кхе-кхе, – деликатно обратило на себя внимание Зеркальце. – Узелок-то...

– Ура! – вскричала Царевна! – Я и забыла! Когда привал?

Озадаченный Царевич-Иван снова прихлопнул комара болотного.

– Ну, когда из топи этой выйдем, – неуверенно сказал он. – Передохнем.

– Значит, через десять кочек и два камышовника, – прокомментировало Зеркальце.

– Вот там и пообедаем, – заявила Лягушка.

Пейзаж тем временем изменился. Если путешествие начиналось из густого леса, частью выращенного волшебными способами под содействием кашеевых сил, потом путники пересекли дубраву, а сейчас завершали переход по болоту, то впереди уже ясно виднелись веселые березовые рощи. А далеко на горизонте золотистое сияние ясно обозначило конечную цель путешествия – яркие купола столичных теремов. Лягушка и Царевич-Иван устроились на опушке березовой рощи, давая отдых усталым ногам. Царевна развязала узелок и высыпала его содержимое прямо на землю. Встряхнула ткань – и та легла на травку ровным квадратом.

– Вот, – заявила довольная Царевна. – Заказывайте.

Царевич озадаченно поглядел на супругу, не зная, как отреагировать.

– Не понял? – порадовалась та. – Это же и есть скатерть-самобранка! Говори, что хочешь поесть.

– Поесть? – задумался Царевич-Иван. – А борщ можно? Сто лет не ел борщ!

– Со сметаной? С пампушками? С зеленью? – донеслось с квадрата.

– Это скатерть уточняет! – прошипела Царевна-лягушка. – Отвечай!

– С пампушками, – Царевич-Иван был несколько не уверен в предпочтениях.

Под приятные уху переливы мелодий на уголке скатерти появился горшочек, заботливо прикрытый крышечкой. Дразнящий аромат свежей похлебки поднялся над поляной, когда Царевич-Иван заглянул под крышку.

– О! – сказал он, явно потеряв дар речи.

– А мне, пожалуй, блинчиков. С медом. Три штуки, – заказала Лягушка.

Вновь приятный перезвон сопроводил доставку заказа. Царевна приступила к трапезе, подав пример спутнику. Несмотря на разницу в объемах, Царевич-Иван управился со своей порцией первым. И с вождением уставился на последний блинчик, лежавший пока на тарелке Царевны.

– Ешь, – великодушно квакнула она.

– Что ж ты, царевна, не рассказывала, каким сокровищем владеешь? – поинтересовался Царевич-Иван, облизывая медовые пальцы. – Она что же, любое блюдо может приготовить?

– Только из тех, что внесены в ее память, – ответило вместо Царевны Зеркальце. – Базу составляют рецепты здоровой царской кухни. С вариациями не очень, но положенный минимум из тысячи блюд скатерть подать может.

– И я еще не все опробовала, – заметила Царевна. – Хотя и питаюсь каждый день по три раза уже шестнадцать лет.

– И откуда у тебя, Царевна, сие сокровище? – после обеда настроение у Царевича-Ивана явно улучшилось. – С такой-то скатертью ты ж самая нарасхват невеста будешь!

– То есть мои полцарства не являются особо ценной частью приданого! – хмыкнула Лягушка. – А внешность сразу перестает быть весомым контраргументом.

Царевич-Иван слегка покраснел, осознав глубинные подтексты своего высказывания. Тем временем Лягушка сложила бараклишко обратно в скатерть, завязала ее уголки надежным узелком и прикрепила к палке.

– Ну что, пошли? – спросила она у спутника.

Тот поднялся, старательно отряхнул одежду от налипших травинок.

– Так расскажешь, откуда у тебя эта чудо-скатерть? – проговорил он.

– Знаешь, не очень-то удобно собеседнику в спину рассказывать, прыгая по его следам на тропинке, – отозвалась Лягушка. Царевич-Иван вздохнул и наклонился к супруге, протягивая к ней ладонь.

– Давай уж, запрыгивай, – пробурчал он.

Царевна не стала ломаться, а радостно забралась в предложенное средство передвижения.

– Хм, а ты тепленькая, – заметил Царевич-Иван. – И мягкая. Я думал ты будешь как все лягушки – склизкая и холодная. А ты похожа на бархат.

Царевна-лягушка томно заглянула ему в глаза и произнесла шелковым голосом:

– Нравится?

Взмах длинных ресниц, нежное "ква" дополнили картину. Царевич-Иван тряхнул локонами, обретая почву под ногами. Зеркальце кашлянуло из-за его пояса.

– Пора бы, – проговорило оно.

Царевич-Иван смущенно поискал тропу, с которой компания сошла перед обедом. Царевна устроилась поудобнее в его кулаке и приступила к рассказу.

– Как ты понимаешь, историю своей семьи я знаю не из первых уст, а в пересказе Зеркала, на которое было возложено мое образование.

– Но это отнюдь не повод сомневаться в достоверности данных, – вставило Зеркальце.

А Царевна невозмутимо продолжила пересказ истории:

– Маменька моя, царица которая, происходит из очень простого роду-племени. Никаких боярских и тем паче царских или там королевских корней в ее родословной не наблюдается. А все потому, что Царь-батюшка, вопреки освященным веками традициям, женился на ней из-за большой любви, выбрав из огромного количества невест, претендовавших на царскую руку. Соискательницы рядами выстраивались под окнами царского терема, а батюшка (тогда еще только королевич наследный) пытался выбрать себе невесту. Все девицы были как на подбор: стройные, высокие, красивые, воспитанные, изящные. И одновременно – скучные, вялые, покорные. После собеседования с третьим десятком претенденток, у батюшки стало скулы сводить от тоски. Он начал ныть и жаловаться, требуя о родителей поблажки в виде откладывания женитьбы. Но предыдущий царь-отец (то бишь, мой дедушка) был неумолим, и смотрины продолжались еще долгие дни. Дело было летом, в августе. Жара и духота. Очередь из возможных невест не уменьшалась. Стоять им приходилось на солнцепеке. Как тут было не подсуетиться торговцам разным? Самым большим спросом пользовались, конечно, напитки. И вот тогда-то батюшка узрел мою матушку. Дочка пивовара, она разносила кружки с квасом среди жаждущих. Ну и выделялась на их фоне – статная, в теле, с хорошо поставленным голосом. Как не броситься в глаза?

– А про скатерть-то? – напомнил Царевич-Иван замолчавшей спутнице.

– Так к тому и веду. Царь, значит, батюшка положил глаз на дочку пивовара. И тут скандал. Не только дедуля-правитель возражал, но и дед-пивовар был против царственного жениха. А все потому, что матушка моя была дочкой бабы Яги.

– Что из избушки на курьих ножках? – смекнул Царевич-Иван.

– Ее, – кивнула Лягушка. – Красавица бабуля моя была невероятная, потому пивовар ее в жены и взял, не поглядел на происхождение. И кстати, теща из бабы Яги отменная получилась, что бы там царевичи всякие не злословили.

– Мы как-то с другой стороны знакомство сводим с Ягой Матвеевной, – заметил представитель из рода царевичей. – В основном, со стороны печи да лопаты, – добавил он вполголоса. Лягушка смерила его взглядом.

– Ну так вот. Сильно против этого брака пивоварный мой дед выступал. Это уж жена его, Яга Матвевна, то есть, уговорила. Да и детишки в ноги родителям кидались с завидным упорством. В горячке даже пообещали внука-богатыря. Это и подкупило царя-отца. Согласие свое он дал на этот мезальянс, сумев правильно оценить перспективы невесты с точки зрения матери будущего наследника. Сам-то он женился на королевне заморской, чье хрупкое здоровье не выдержало возложенных на него обязанностей деторождения. Бабушка моя по отцовской линии скончалась в первых же родах. А батюшка мой здоровьем в родительницу пошел. Так что дальновидно поступил дедушка мой, позволив сыночку хилому взять в жены настоящую русскую женщину. И кстати, спустя положенные законом и традициями девять месяцев после свадьбы у пары родился сынок, чьей крепости и силе позавидовали все государственные богатыри. Царь-дед порадовался и с успокоенной за будущее своего трона душой удалился от дел в мир иной. Я-то уж после появилась, не успела дедулю разочаровать...

Лягушка помолчала, давая собеседнику прочувствовать весь драматизм ситуации.

– И вот, возвращаясь к отправной точке моего рассказа, – вспомнила Царевна стартовую точку повествования. – Приданого-то пивовар много не мог дать. Денежного. Зато от предков по женской линии у матушки моей много чего интересного было. И скатерть – одна из этих интересностей, – закончила повествование Царевна.

– Стало быть, ты родственница не только Царю-батюшке, но и Яге Матвеевне, – задумчиво оглядел названную супругу Царевич-Иван. – А вот интересно, почему эта часть твоего родового дерева в энциклопедиях не указана? – спросил он.

На этот вопрос откликнулось Зеркальце из-за пазухи:

– Указана. Только доступ к этим томам не для всякого открыт. Нужно специальное разрешение для входа в особо секретную секцию.

– Вон оно что, – протянул молодой человек.

– Негоже всем подряд знать о родстве Царицы с родом Ягиным, – добавила Царевна-Лягушка. – На уровне слухов – пожалуйста. А официально – ни-ни! Дочь купеческая и точка.

– А что из матушкиного приданого тебе досталось? – вернулся к основной теме Царевич-Иван. – Скатерть-самобранка, это я вижу. Зеркальце говорящее тоже вижу.

– И слышишь, – добавило Зеркальце. – Но дело вовсе не в форме. По сути я – Кладезь Информации, суть моя эфемерна, поэтому предпочитаю материальные помещения. Зеркало удобно для отображения данных. А вообще я могу и в воздухе витать, и в дерево любое заселиться. Только тебе было бы неудобно дуб за собой таскать.

– Еще у меня есть дубинка-самобита. Но я ее с собой не взяла, драчливая очень, – не вслушивалась в беседу попутчиков Царевна. – И храню ее в сундуке самозапирающемся. Тоже не взяла.

– И все?

– В моем владении – все, – отрезала Царевна. – А что там еще есть у матушки в ларчиках, знать не знаю.

Царевич-Иван пошагал далее в молчании, обрабатывая полученную информацию. Царевна тоже примолкла, оглядывая пейзаж. В конце концов, для нее это был первый дальний поход в жизни. Тем более – в столицу. До сих пор дальние и ближние страны Царевна видела лишь в учебниках да посредством волшебного зеркала. Типичные достопримечательности Града Столичного Лягушка знала, но увидеть их живую тоже была не против. К при-

меру, крепостная стена, окружавшая столицу по периметру, являлась первым пунктом в путеводителе "Топ самых знаковых мест, где вы должны побывать до пенсии". Сложенная из белых камней известняка, крепостная стена бросалась в глаза еще находясь на горизонте. Золотые башенки подчеркивали изящество архитектурной мысли, а въездные ворота были внесены в список доисторического наследия всего мира за многочисленные батальные сцены, изображенные на их створках посредством чеканки по металлу.

Но спутники Царевны не пошли в эти парадные ворота. Зеркальце шепотом указывало маршрут, проведя через незаметную дверцу в крепостной стене, полускрытую разросшимся диким плющом.

– Так оно спокойнее будет, – добавило оно информации к пути следования. – Здесь направо, вдоль стеночки, тут налево на тропку не найденную, через сто шагов будет вход в привратный терем. Стучи!

Царевич-Иван поднял кулак, и Зеркальце тут же его одернуло:

– Тихо стучи!

Царевна-Лягушка поспешно забралась под камзол Царевича, не желая бросаться в глаза тому, кто дверь отомкнет, и юноша захихикал ("Щекотно!"), после чего нежно поскребся в створку.

Тишина.

Царевна высунула кончик носа между застежками камзола. Царевич снова поскребся в дверь, чуть настойчивее.

Тишина.

– Не ждут, – резюмировал Царевич-Иван.

– Должны. Почту же с голубями рано утром отправили, – возразило Зеркальце.

– Тогда чего не открывают? – высказал претензию молодой человек.

– Ну, может, отлучился человек на минутку! – предположила Лягушка, чья любопытствующая голова уже присоединилась к носу.

– Ща выясню, – заявило Зеркальце.

Из его глубин послышались удаляющиеся шаги, и Царевич-Иван с любопытством перевернул оправу к себе лицом. Стекло Зеркальца отражало лишь две заинтересованные физиономии – человеческую и лягушачью. А вот смутных очертаний Духа Эфирного не было видно. Обычное зеркало. Отражения Царевны и Царевича обменялись взглядами.

– Куда ушел, как думаешь? – шепотом спросил Царевич-Иван.

Лягушка пожала плечами и, отведя взгляд (с трудом) от отражения небесной красоты собеседника (он же муж), вновь устала в глубины зеркального мира. В тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы над их головами, вновь раздались звуки приближающихся шагов. Поверхность гладкого стекла пошла легкой рябью, отражающиеся головы исчезли.

– Позвал. Сейчас будут, – пояснило Зеркальце.

– А кого позвал-то? – спросила Царевна, однако ответ получить не успела.

Дверной засов начал поворачиваться, повинувшись силе из-за дверей, и Лягушка поспешила укрыться за бархатной полкой царевичева кафтана. Створка отворилась нешироко – ровно на один глаз встречающего. Глаз блеснул.

– Вы? – прошептал некто в приоткрывшуюся щель.

– Мы, – тоже шепотом ответил Царевич-Иван.

– Заходите.

Не то, чтобы гостеприимно, но все же дверь открылась на вход. Юный посланник Касея протиснулся в полумрак караульного помещения. Встречающий оглядел вошедшего.

– И где все? – спросил он.

– Я за всех, – отрапортовал Царевич-Иван.

– Я тут, – прошелестело Зеркальце из-за пазухи, куда Царевич засунул его по привычке.

- А я тут, – квакнула Царевна, не высовываясь из-под камзола.
- Ясенько, – ответил встречающий. – Пошли. И чтоб не звука!

Царевич-Иван последовал за проводником. Тот лихо шагал по длинным и пустынным переходам, явно хорошо ориентируясь в помещениях.

– Здесь порожек, тут узко, тут притолока низкая, – по привычке выполняло свои путеводные функции Зеркальце, но его шепот плохо был слышен, поскольку Царевич-Иван второпях запихнул его лицом к... своему телу.

Царевна помалкивала. Провожатый наконец остановился у неприметной дубовой двери, мало чем отличающейся от прочих таких же дверей, которые компания в спешке миновала по ходу своего движения.

- Все тут? – шепотом спросил встречающий.

Царевич-Иван даже оглянулся, словно за ним действительно должна была следовать целая компания. Ощупав Зеркальце, пощекотав Лягушку, он ответил:

- Да все. Куда ж нам деться?

Провожатый снял с гвоздика у двери висевшую на нем корону и нацепил на лысину.

- Ваше величество! – ахнул Царевич-Иван.

– Потом, потом, – отмахнулся Царь-батюшка и деликатно постучался в дубовую створку.

- Заходи! – донеслось из-за двери.

И вся компания вступила в покои Царицы.

**

Здесь автор откладывает на мгновение перо, чтобы размять затекшие пальцы, а заодно придать встрече родственников некую интимность. Мы возвращаемся к компании в ту минуту, когда неловкие пожатия рук и неумелые поклоны уже позади, царственные родители расположились на обтянутом заморской парчой диванчике, Царевич-Иван присел на резной стульчик, подозрительно заскрипевшим при его приземлении, а обращенная дочурка устроилась на придиванном столике между шкатулкой и подсвечником.

– Значит, его величайшее кащейство не смогли прибыть в установленный им же самим срок? – не столько спросила, сколько утвердила Царица.

Царевич-Иван поёжился под ее холодным взглядом, но взял себя в руки и изложил хронологию событий и голые факты.

– Понятно, – резюмировала дочь бабы Яги, унаследовавшая от матушки пронзительность взгляда.

Царевна-Лягушка не могла долго оставаться в стороне, поэтому она глубокомысленно дополнила рассказ посланца Кащея.

- Царевич-Иван умолчал о дополнительном аспекте, – заметила она небрежно.

– О каком же? – оживился Царь-батюшка, получив возможность отвлечь собеседников от затянувшейся перестрелки взглядами.

– Если вкратце, то я вышла за него замуж, – Царевна вытянула вперед лапку с обручальным колечком.

Родители дружно подались вперед. Посмотрели на кольцо. Подняли глаза на дочку. Перевели взгляд на зятя. Тот заерзал на поскрипывающем стульчике.

– Ну да. По доверенности. Его кащейское величество от обязательств своих не уклоняется. Ровно в день шестнадцатилетия Царевны...

– ... С последним "ку", – уточнила последняя. – Кстати, эти часы тоже наследство волшебное, – припомнила она супругу недавнюю беседу.

– ...явился я в качестве посаженного жениха, – придерживался темы Царевич-Иван, – чтобы от имени и лица Кащея Бессмертного взять в жены дочь вашу, ваши царские величества.

Величества ответили не сразу. Царь-батюшка и вовсе предоставил право ведения переговоров супруге, а та пока что собиралась с мыслями. В тишине только и слышно было, что нервное поскрипывание мебели по Царевичем-Иваном. Царица-матушка паузу держать умела. А вот зять ее по доверенности такой выдержкой не обладал. Поэтому проговорил слегка дребезжащим голосом:

– И перед отправлением в путь дальний к супругу законному необходимо получить одобрение родителей невесты и оформить положенные документы.

Царица-матушка привычно подняла брови. Царь-батюшка (тоже не вооруженный выдержкой) поднял вопрос:

– Что за документы?

Супруга метнула на него грозный взгляд, но было поздно.

– Акт о передаче невесты. Родительское благословение. Договор о приданом. Все бланки уже готовы, подписать только. Плюс дополнительно получить заверенную карту с очерченными границами положенного Полцарства.

Царь-батюшка пожевал бороду. Царица-матушка собралась с мыслями.

– Что ж, – молвила она. – Все честь по чести. Сегодня уж поздно, да и вы с дороги притомились. Предлагаю сегодня ограничиться ужином в семейном кругу. Его величество пока документы по поводу приданого оформит, – она выразительно посмотрела на царя.

– Как же! Обязательно! – с воодушевлением вскричал тот. – Я еще утром приказал художественно все обрисовать. Чтоб наглядно было. Но отчета о выполнении пока не получил. Работают, верно. Так что все равно не раньше завтрашнего утра...

– Вечера! – перебила Царица. – А мы пока с дочкой пообщаемся.

Царевна невольно квакнула и осторожно прыгнула в протянутую материнскую ладонь. Глаза дочки и матери встретились. На этот раз Царевна квакнула с вопросительной интонацией. Мужчины поспешили оставить дам наедине: один уже хорошо узнавал скрытый подтекст заявлений супруги, второй был наслышан о нраве родительницы новоявленной тещи и свято верил в гены и наследственность. Только и хлопнула закрываемая за джентльменами дверь.

Царица в молчании изучала дочь, с которой не виделась тет-а-тет с момента переселения той в болотистую местность. Царевна тоже не спешила начать беседу – главным образом, по причине отсутствия подходящей темы для разговора. Дамы не сводили взглядов друг с друга. Наконец у Лягушки затекли мышцы шеи – все-таки трудно долго сидеть, задрвав голову. Она изменила положение тела, и визуальный контакт был разорван. Царица поднялась и размашисто прошлась по опочивальне.

– Значит, душегуб не явился на вашу свадьбу, – произнесла Царица.

– Увы, – заметила Царевна.

– А ты как?

– Да вроде бы ничего. Хотелось бы, конечно, уже сбросить шкурку лягушачью, – призналась дочурка. – Я как-то не рассчитывала до седых волос ожидать преобразования.

– Н-да, подсуropил, конечно, зятек, – не могла не согласиться с завуалированной критикой наследницы дочь бабы Яги. – Но и из этого можно выгоду извлечь, – понизила она голос.

Лягушка-царевна с интересом взглянула на Царицу. Хоть мать и дочь не виделись долгие годы, однако взаимопонимания они достигли на редкость быстро. Царица поднесла дочь к самым своим губам.

– Мы костлявому бессмертию можем слегка пообломать амбиции, – прошептала она прямо в нос доченьке.

– Это как? – заинтересовалась интригой Лягушка.

– Слово свое он нарушил? Нарушил! Жениться не приехал? Не приехал. Обращения не произвел? Не произвел! – перечислила Царица.

– Но вроде как замену прислал, – возразила Царевна.

– То есть обещания свои выполнил не в полном объеме, – назвала вещи своими именами ее мать.

– Угу, – не могла не восхититься формулировкой ее дочь.

– Значит, и мы можем слегка, чуть-чуть, незаметно... – медленно подмигнула накрашенным глазом Царица.

Лягушка-Царевна с минуту переваривала информацию, связывая подмигивание со смыслом фраз. Потом широко распахнула глаза и выдохнула прямо в лицо матушке:

– Приданого не отдадите?

Царица в изумлении оглядела дочь от короны до кончиков перепончатых пальцев на ногах. Лягушка также медленно подмигнула матери.

– Смотрю, хоть один мой ребенок пошел смекалкой не в батюшку, – вроде бы не в тему произнесла Царица. Но на вопрос-то дочурки ответила. И Лягушка почесала пальчиком в затылке, сдвинув золотую корону на лоб.

– А жених? Не обидится ли? – озадачилась она, представив себе перспективу встречи с обиженным Кашеем.

– Главное, все юридически обосновать, – отмахнулась Царица. – Батюшка твой сейчас этим вопросом вплотную занимается.

– Это хорошо. Не хотелось бы закончить свои дни скоропостижным образом, – вздохнула Царевна.

– Будем пользоваться своим главным оружием, – продолжила Царица.

Поскольку в этот момент она поправляла нити жемчуга, оплетавшие ее косы, то Лягушка с долей неуверенности в интонациях спросила:

– Красотой?

Глаза дам встретились в отражении зеркала.

– Красота – лишь вспомогательный элемент, – отмахнулась Царица. – Нет, мы возьмем умом. Тут, к счастью, природа нам сильно помогла, одарив тебя моими генами. Так что сладить с Кашеем, пусть даже и всемогущим да бессмертным, нам, умным женщинам, раз плюнуть. Нужен только хороший план.

– А у нас есть план? – активность была Лягушке по душе.

– У нас есть цель.

– Какая?

– Ну как же? Вернуть тебе человеческое обличие.

– А, точно!

– Для этого нужно встретиться непосредственно с исполнителем заклинания обращения.

– Ну да!

– Чтобы встретиться, нужно до него добраться.

– Это по части посланца. Он сказал, что дорогу знает.

– Так что план на ближайшее время у нас есть. Записать или запомнишь?

– Запомню. Дойти, встретиться, превратиться, – отрапортовала Лягушка.

– Но попутно... – вновь понизила голос Царица.

Царевна и тут знала цепочку последовательных действий:

– Обойти, умолчать, скрыть.

– Нет, – исправила смысловые ошибки собеседница. – Убедить, уговорить, настоять. А для этого нужно что?

– Убедительность, настойчивость и красноречие.

– Ну вот, молодец!

Царица энергично потрясла колокольчик, предназначенный для призыва обслуживающего персонала.

– Настойки нам принеси. Рябиновой.

Персонал выполнил указание молниеносно. И вскоре мама с дочкой с комфортом расположились на богато вытканном ковре с восточными узорами и потягивали расслабляющий напиток до самого прихода своих супругов, продолжая составлять интригу.

***

А Царь-батюшка тоже не терял времени даром. Не обладая даром красноречия и умом изворотливым, коим владела его супруга, он, однако, имел и свои сильные стороны в вопросе вербовки сторонников. Поэтому, уведя Царевича-Ивана из покоев царицыных, он незамедлительно провел своего наполовину зятя в личные апартаменты, где гостеприимно выставил на стол два кубка, тарелочку заморских желтых кислых фруктов (лимоны) и увенчал натюрморт бутылку в плетеной упаковке. Царевич-Иван открыл было рот, чтобы начать беседу, но Царь поднял вверх указательный палец:

– Но-но! Сначала – за встречу!

И ловко разлил по кубкам мутноватую настойку.

– Вздрогнули! – скомандовала принимающая сторона.

Кубки синхронно опрокинулись, раздался парный звук льющейся жидкости, одновременно же собутыльники выдохнули и утерли усы. Занюхали лимоном.

– Ну а теперь расскажи о себе, – велел Царь.

Рассказ Царевича-Ивана длинным не был из-за малого количества исходных данных, поэтому уже вскоре прозвучал новый тост:

– За знакомство!

Потом еще:

– За дочурку!

И еще:

– За родителей!

Дальше уже тосты не требовались: неопытный в плане поглощения крепких напитков юноша совершенно забыл о своих функциях посланца бессмертного величества и лишь радостно опрокидывал в себя все новые порции зелья. А Царь-тесть исправно подливал и подливал в неопустошаемый кубок. Так что вскоре дело дошло и до песнопений а-капелла и бессодержательных диалогов с рефреном "Ты меня уважаешь?" Однако Царь-батюшка, будучи покрепче на голову, обязанности свои не забывал, даже руководил государством между приемами напитка. И завизировал принесенную от писарей карту с начерченными контурами приданого. После чего подмахнул выуженные из кармана уже мало ориентирующегося в пространстве Царевича-Ивана документы для Кашея Никандоровича.

– Так-с, акт передачи невесты с описью – готово. Благословение родительское – есть. Карта приданого прилагается, – перебрал Царь бумаги, посыпал автографы песком, сдул песчинки, свернул документы в трубочку, обернул вокруг стрелы царевича и тщательно обвязал бечевкой, чтобы не потерялись. Поразмыслил – и залил сургучом концы бечевки, приложил царский перстень-печатку. На красно-коричневом круге появились царские инициалы и символы царской же власти – корона и скипетр. Все, как и положено.

Потом посмотрел на зятя де юро. Зять спал богатырским сном. Похрапывал. Да так заразительно, что и Царю-батюшке захотелось прикорнуть на краешке списанного по старости трона. Но обязанности превыше всего! И хрустнув огурчиком, засоленным клюквой с первого летнего урожая, государь покинул кабинет.

***

Царица и царевна пели песни. Раз уж не имелось возможности устроить положенные девичьи хороводы для невесты, дамы решили организовать их в камерном формате. Так что Царица-матушка обошла вокруг невесты необходимые круги-хороводы, фигурально расплела

ей косу (заменителем послужили длинные нити из вышивки государыни), со вкусом покликушествовала. Царевна-лягушка сидела тихо, в процесс не вмешивалась и даже получала от него удовольствие. А когда Царица-матушка объявила о выдаче подарков, и вовсе обрадовалась.

– Приданое приданым, а от меня дары ты получишь индивидуальные, – прокомментировала Царица-матушка, открывая заветную шкатулку размером с приличный дорожный сундук. Краем глаза лягушка успела заметить изображенные на крышке ступу и метлу – символы рода Бабы-Ягиного.

Царица покопалась в коробе.

– Значит, даю я тебе вещицу старинную, цены немеряной, в хозяйстве крайне полезную, а уж в супружестве с Никандоровичем – и вовсе незаменимую. Вот этот ридикюль...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.